

Вторая карта посвящена картографированию традиционных форм полей. Выделено три основных типа расположения владений одного хозяйства: 1) единым блоком; 2) чересполосно с владениями других хозяйств; 3) частично примыкающих к усадьбе. Внутри этих групп выделяются подтипы.

На третьей карте показано распространение традиционных форм усадеб. Для Австрии характерно большое разнообразие типов усадеб. В основу типологии положен план, прежде всего расположение четырех ее самых главных строений — жилого дома, хлева, сарая и навеса. На карте выделяются альпийские формы и равнинные, которые в свою очередь делятся на типы и подтипы.

Автором карт пахотных орудий является Г. Х. Дозедла. По этой теме картографированием охвачена и территория Южного Тироля, отошедшего после первой мировой войны к Италии. Как указывалось выше, на карте показано состояние на первую половину XIX в. — период, когда уже началось вытеснение традиционных пахотных орудий фабричными. В основу классификации пахотных орудий вслед за П. Лезером положена конструкция остова орудия. В соответствии с этим принципом выделяются орудия с четырехсторонним остовом (в этой группе даны типы рал и плугов, выделяемых по наличию или отсутствию отвальных приспособлений), орудия с другой конструкцией остова (сюда включены плуги и рала с изогнутым грядлем — Krümmelkonstruktion, с трехсторонней формой, бесполозные орудия без стойки и др.), а также орудия типа резака. На карте выделены также области, где земля обрабатывается ручными орудиями. В этих картах, помимо специальной литературы, использованы полевые материалы автора.

Девятая карта (автор Ф. Грисхофер) посвящена видам карточной игры, при этом особое внимание обращено на игры, организованные по типу турниров с вознаграждением. Обычно эти состязания устраивались вековыми или отдельными предпринимателями в определенные дни (например, на Сальцбурге, в день трех королей, на масле и т. п.). В отличие от карточной игры обычных видов, распространенной издавна и повсеместно, игры с определенным позывом для выигравшего бытовали в трех зонах: игра под названием «Jassen» распространена в Форарльберге и западной части Тироля, игра «Watten» — в Тироле, западной части Каринтии, Зальцбурге и западном округе Браунау земли Верхней Австрии, в остальной части Австрии известна игра под названием «Schparzen». Кроме них выделяются еще три локальных вида игры в Инсбруке, на границе Форарльберга и Тироля и в Баварии и в Верхней Австрии.

Издание карт по отдельным элементам культуры имеет свои плюсы и свои минусы. Естественно, что тематические выпуски более трудоемки и требуют больше времени и средств, чем создание карты по одному какому-то элементу, однако они дают более фундаментальную основу для последующих более широких научных исследований и выводов.

В заключение хотелось бы отметить высокий уровень издательской культуры и оформления карт, ценно и то, что к картам приложены таблицы видов поселений и форм полей, сфотографированных с воздуха, планов усадеб и рисунков пахотных орудий.

Г. Д. Филимонова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

И. Б. Редько. Очерки социально-политической истории Непала в новое и новейшее время. М., 1976, 301 стр.

Лучано Петек, автор известной работы по истории Непала, в 1958 г. писал, что непаловедам еще предстоит потрудиться над хронологическим и династийным «скелетом» непальской истории, прежде чем начать «покрывать его плотью и кровью»¹. С тех пор исследование истории Непала продвинулось далеко вперед, особенно нового и новейшего периодов. В области социальной и экономической истории опубликованы работы непальских исследователей М. Ч. Регми, Г. С. Непали, С. Кумара, Т. Р. Вайдья, результаты ряда полевых исследований, проведенных Л. Капланом, К. Россером и К. фон Фюрер-Хаймендорфом². Хотя в новой и новейшей истории Непала еще много неясного, основные проблемы уже сформулированы, намечились и главные направления исследования.

¹ L. Petch. Medieval history of Nepal. Roma, 1958, p. 3.

² M. C. Regmi. Land tenure and taxation in Nepal, v. 1—4. Berkeley, 1964; «A study in Nepal economic history». New Delhi, 1971; G. S. Nepali. The Newars. Bombay, 1965; S. Kumar. Rana polity in Nepal: origin and growth. Bombay, 1967; T. R. Vaidya. Kingship during the Malla Period.— «Journal of the Tribhuvan University», 1968, v. IV, № 1; L. Caplan. Land and social change in East Nepal: a study of Hindu tribal relations. Berkeley — Los Angeles, 1970; C. Rosser. Social mobility in Newar caste system.— «Caste and kin in Nepal, India and Ceylon». Bombay, 1966; C. van Fürer-Haimendorf. Unity and diversity in the Chetri caste of Nepal.— Там же; «Caste concepts and status distinctions in Buddhist communities of Western Nepal». — Там же.

И. Б. Редько предпринял своевременную и полезную попытку — обобщить результаты перечисленных оригинальных исследований и представить цельную научную концепцию формирования и эволюции социально-политической структуры Непала в XIX первой половине XX в. (стр. 6). Очевидно, что подобная концепция должна быть синтезом по крайней мере трех аспектов истории Непала: этнического, экономического и политического. Трудности здесь несут не только методологический характер. История Непала до XVIII в. разработана крайне схематично, изучение этнических процессов в средние века только начинается: пока неясно, из каких районов Индии и когда проникли в Гималаи относительно большие группы индоарьев, какова была степень их этнической консолидации в период миграции; имеются лишь разрозненные данные о социальной структуре автохтонных общностей за пределами долины Катманду.

Как считает автор «Очерков», возникновение централизованного государства в Непале (вторая половина XVIII в.) было подготовлено социальными и экономическими процессами, происходившими у кхасов — потомков иммигрантов из Индии (брахманов, чхетри) и метисов автохтонного-индоарийского происхождения. Территориальная мобильность кхасов, отсутствие элементов стратификации в наиболее многочисленной касте — чхетри³ (стр. 19—23) создали предпосылки для выполнения кхасами интеграционных функций. Экономический аспект интеграции заключался в переходе большей части земель (за исключением долины Катманду и Восточного Непала) в руки кхасских феодалов, а социальный — в постепенной индустриализации верхушки этнических общностей тибето-бирманской группы. Далее автор переходит к выводу о том, что «...воздействие кхасских „трансформирующих потенциалов“ на автохтонов оказалось в общем недостаточным и глубоким, чтобы заложить прочный фундамент политического единства как начальной формы централизации» (стр. 57). Это обстоятельство в сочетании с экспансионизмом кхасских феодалов определило насильственный характер объединения Непала правителями наиболее сильного княжества — Горкхана.

Эти выводы уже высказывались непаловедами⁴, а в последнее время наметилась и иная точка зрения⁵. Менее убедительной выглядит схематичная интерпретация этнических процессов, явно обусловленная тем, что автор недостаточно учитывает теоретические работы советских этнографов⁶.

Фактически не поставлен вопрос о степени этнической консолидации кхасов. Автор считает, что их объединяли «общность традиционной культуры и языка и, что особенно важно, этническое самосознание». Отсутствие территориальной общности ничего не меняло, так как, с его точки зрения, этот элемент «не является необходимым признаком этнической общности», а кроме того, «среди этносоциальных норм кхасов отсутствовало понятие родины как определенной территории, с которой человек связан с рождения» (стр. 20).

Уже приведенные выше оговорки показывают, что фактически здесь речь идет не об этническом, а о религиозно-кастовом самосознании, и по сей день в Южной Азии нередко заменяющем этническое самосознание. Непальские кхасы до сих пор не имеют самоназвания и определяются по кастовой принадлежности как брахманы или чхетри, и нет никаких фактов, подтверждающих, что они обладали этническим самосознанием уже в XVIII в. Даже у наиболее консолидированных этносов Южной Азии (бенгалцев, гуджаратцев, тамилы и др.) этот признак появляется очень поздно — в конце XIX — начале XX в.

В последние десятилетия социологи и этнографы тщательно изучают воздействие, оказываемое на племена кастовым индусским обществом. По этому актуальному вопросу в Индии опубликованы десятки монографий, однако в Непале изучение этой проблемы начато сравнительно недавно.

Автор рецензируемой книги считает, что «индустриализация гималайских этносов в широком смысле представляла собой вариант ассимиляции автохтонов» (стр. 29). Однако даже на примере неваров, которым в «Очерках» отведена целая глава (стр. 162—218), видно, что санскритизация отнюдь не обязательно влечет за собой ассимиляцию. Многие санскритизированные племена Индии, менее консолидированные, чем непальские невары, продолжают сохранять такие этноразличительные признаки, как язык, самоназвание, эндогамность, кастово-этническое сознание. Если под ассимиляцией подразумевать исчезновение всех этноразличительных признаков ассимилируемой общности, то придется признать, что кастовое общество вообще не способно на это, и санскритизация (индустриализация) фактически означает лишь аккультурацию или, самое большее, интеграцию в рамках иерархической структуры. Преувеличивать роль санскритизации

³ Вернее, видимо, было бы говорить о варне чхетри (кшатриев) и упрощении кастовой структуры как таковой в процессе миграции.

⁴ А. Прусаускас. Социальные и экономические предпосылки политической раздробленности в Непале в XVI — первой половине XVIII в. — «Непал: история, этнография, экономика». М., 1974, с. 29, 30, 32.

⁵ Б. А. Иванов. К вопросу о соотношении племенной и кастовой структуры в Непале. — «Страны Южной Азии: история и современность». М., 1976, с. 124.

⁶ В библиографии (с. 278—294) отсутствует даже обобщающая монография Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» (М., 1973), а также работы В. П. Алексеева, С. А. Арутюнова, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова и др. по вопросам теории.

и тем более подменять этническое (включая национальное) самосознание религиозным, дует.

Сомнительным представляется утверждение И. Б. Редько о том, что «...индуизация автохтонного населения... преследовала далеко идущие материальные интересы и выступала в качестве идеологической оболочки процесса преобразования традиционных общественных структур в интересах расширения социальной базы кхасских феодалов и усиления их экономических позиций» (стр. 30). Индуизация не может выступать в качестве «идеологической оболочки», так как индуизм — это прежде всего социальная организация, а не мировоззрение, и ему совершенно чужд дух прозелитизма. В этом заключается одна из главных особенностей индуизма, отличающих его от христианства, ислама и большинства других религий.

Для понимания особенностей развития и ряда специфических проблем современного Непала особый интерес представляет эволюция непальского общества после создания централизованного государства. Автор справедливо отмечает, что «объединение, осуществленное силой, не исчерпывало централизации, а лишь являлось ее предпосылкой» (стр. 64). В период территориальной экспансии кхасские правители Непала воздерживались от нововведений в организации управления и администрации, и перемены коснулись лишь правителей аннексированных княжеств, на смену которым пришли государственные чиновники с несколькими урезанными правами. Непальское государство конца XVIII в. определяется в книге как полиэтническое с кхасским ядром. Автор утверждает, что оно было построено по типу восточной деспотии (стр. 68), однако он не раскрывает значения последнего термина, лишь вскользь отметив, что в возникшем государстве «...не получил общего признания единый критерий знатности, присущий сословной монархии, не сложилась иерархия чинов, получающая законченное выражение при абсолютизме» (стр. 68). Ссылка на два отсутствующих признака, к тому же не очень убедительная⁷, не вносит ясности в понятие восточной деспотии, и определение характера централизованного непальского государства остается спорным.

Возможности территориальной экспансии к концу XVIII в. были исчерпаны, и в этих условиях увеличилось налоговое бремя и усилилась личная зависимость крестьян от государства. Усиление центральной власти и рост бюрократического аппарата воспрепятствовали возникновению сеньориально-вассальной системы, но, как убедительно показывает М. Ч. Регми, работы которого пространно цитируются автором в третьей главе, не исключали развития частных форм землевладения и ослабления совокупной государственно-феодалов собственности.

Усиление отдельных группировок феодалов и обострение борьбы между ними подготовили почву для переворота 1846 г. Пришедший к власти клан Рана узурпировал должность муктияра (премьер-министра) и другие важнейшие посты в государстве. Автор «Очерков» определяет режим наследственных премьер-министров как «второе издание» восточной деспотии, причем «издание ухудшенное» (стр. 155). Это броская формулировка, но смысл ее неясен. Более интересным представляется положение о том, что «сбалансированность основных элементов социально-политической структуры» обрекала ее на «консервативную эволюцию и лишала исторического динамизма» (стр. 157).

Застойности производственных отношений и неподвижность социально-политической структуры определили характер, темпы, направление и пределы интеграционного процесса. Преобразование этносоциальных структур и их интеграция во второй половине XIX — первой половине XX в. рассматриваются во втором разделе монографии.

Термин «интеграция» применяется в работе не в этнографическом, а скорее в социально-политическом смысле. Все же, поскольку описание этих проблем занимает около половины книги и большое внимание уделяется индуизации, автору следовало дать свое определение интеграции. Без этого нелегко разобраться в этнической ситуации в Непале и тем более выделить стадии и локальные варианты интеграционного (фактически — этноинтегрирующего) процесса.

Автор поставил перед собой именно эту трудную задачу — «наметить три варианта (модели) интеграции этносов» (стр. 160), выделить «модели (разновариантность) диалектически единого по совокупности элементов и конечным результатам (хотя далеко не синхронных в хронологических рамках рассматриваемого периода) интеграционного процесса» (стр. 161). Сложность усугублялась тем, что И. Б. Редько не располагал достаточно однотипным материалом по ряду этнических общностей Непала и был вынужден выделить три варианта по разным признакам трех общностей: неваров, тхакали и лимбу. «Неварский вариант» построен на основании исследований кастовой системы (К. Россер, Г. С. Непали): для тхакали характерен процесс ассимиляции (К. фон Фюрер-Хаймендорф), а по лимбу имеется в сущности лишь исследование социально-экономических проблем (Л. Каплан). По крайней мере две из трех общностей уникальны для непальской этнической ситуации: невары — по уровню социально-эко-

⁷ Автор тут же отмечает, что аристократию составляли вожди 36 кхасских кланов, племенные вожди магаров и гурунгов, а в целом «в основе социальной структуры Непала лежала довольно сложная иерархия общественных статусов, закрепленных кастовой системой» (с. 70)

номического развития и богатству культурных традиций, тхакали — по своей малочисленности (около 4 тыс. человек) и особому положению на важном торговом пути.

Тем не менее описанные «варианты», при всей их специфичности, дают некоторое представление об этнических процессах в этой части Азии. Автор верно отмечает, что процесс интеграции гималайских этносов в непальское общество сопровождался ускорением дифференциации внутри этнических групп, ослаблением власти традиционных вождей, постепенным отмиранием норм обычного права, вызреванием элементов социальной напряженности (стр. 158). Особенно ярко эти общие черты интеграционного процесса проявляются среди неваров: ускорилась эволюция неварской кастовой системы и начались межкастовые конфликты, сократилась численность буддистов, распространился непали в качестве второго языка, увеличилась территориальная мобильность. Факты, приведенные в «Очерках», свидетельствуют о том, что доминирующие социальные группы неваров уже теснее связаны с общенепальской элитой, чем с остальной частью неварской общности. Видимо, подобный социальный симбиоз следует считать важнейшим признаком ассоциированной народности.

Контакты с кхасами еще не оказали существенного влияния на социальную структуру лимбу, населяющих Восточный Непал. Автор считает, что сохранение общественного землевладения явилось тем фактором, который побуждал верхушку лимбу, в отличие от торговцев тхакали, противостоять санскритизации (стр. 257).

Заслуживает внимания «Заключение» книги: целый ряд выводов и положений имеет принципиальное значение и позволяет по-новому взглянуть на актуальные социальные и политические проблемы современного Непала. Автор подчеркивает, что в Непале отсутствовали предпосылки для генезиса капитализма, а социальное развитие исключало возможность возникновения партий с присущими им чертами, идейными платформами и методами деятельности (стр. 266). Поэтому низложение Рана в 1951 г. «явилось не венцом всенепальского движения, а в значительной мере результатом помощи внешних сил непальским политическим эмигрантам, составившим коалицию с королевской властью и рассчитывавшим с ее помощью „вписаться“ в монархическую государственную структуру» (стр. 273). Совпадение социальной базы большинства непальских партий, кастово-привилегированное положение партийных лидеров, их беспринципная борьба за министерские портфели — все это в условиях политической апатии масс предопределило провал эксперимента с конституционной монархией в Непале. Декабрьский переворот 1960 г. привел к установлению особого варианта личной власти, сочетающей в себе черты феодально-представительной монархии (в виде «панчаятской системы») и абсолютизма (стр. 277). Монархическая власть в нынешней форме возникла на базе традиционной социально-политической структуры и является одновременно ее «плодом» и «реформатором». Характер и главное направление начатых ею преобразований показывают, что «монархическая власть при всей внутренней противоречивости, сложности и непоследовательности процесса концентрировала усилия на создании условий для буржуазной трансформации непальского общества» (стр. 276).

«Очерки» дополнены достаточно представительной библиографией. Историографическая ценность книги была бы больше, если бы автор дал характеристику и оценку тем работам, которые положены в основу его книги, и проявил бы более критическое отношение к выводам их авторов.

Появление «Очерков социально-политической истории Непала в новое и новейшее время» — большое событие для нашего непаловедения. Хотя в книге много дискуссионных положений, а целый ряд актуальных проблем вообще не затронут, не подлежит сомнению, что монография И. Б. Редько является важной вехой в изучении социально-политических проблем Непала в нашей стране.

А. А. Прусаускас